

К первому изданию:
*Посвящаю и адресую эту книгу
неравнодушным моим соотечественникам
и современникам*

УЗЕЛКИ

*Одиссей возвратился,
пространством и временем полный.*

Осип Мандельштам

Есть воспоминания такой яркости и отчётливости, которые не тускнеют, не размываются и не уходят в тень новых событий и переживаний. Это особенные воспоминания, они не падают в копилку памяти, откуда их трудно извлечь. Они не хранятся где-то смутными накоплениями, пассивным грузом, ненужной в повседневности массой. Это не те потускневшие, некогда пережитые радости и страдания, люди и географические пространства, для воспроизведения которых необходимы фотографии, записки, пометки и подчеркнутые строки некогда прочитанных книг, документы или встречи с участниками полузабытых событий. Я говорю про воспоминания, которые всегда рядом, которые под рукой как некие предметы, лежащие в кармане некой вечной, бессменной одежды, как едва заметный белый маленький шрам на ноге, руке или на лбу, бро-

шая взгляд на который или видя его в зеркале ты всякий раз, пусть на миг, но вспоминаешь обстоятельства его появления.

Яркость таких особенных воспоминаний совсем не зависит от значения событий, с ними связанных. Часто это воспоминания о чём-то совсем незначительном, никому, кроме тебя, не запомнившемся, возможно, о какой-то ерунде, о которой ты никому и никогда не говорил, не видя никакой причины говорить о подобной мелочи. Но эта забываемая мелочь живёт с тобой и никуда никогда не исчезает. Это может быть сочинённый ещё в детстве дурацкий стишок, ничего не значащая фраза, или странное, бессмысленное словосочетание, или вовсе увиденное где-то когда-то пятно на стене, убитая, сочно лопнувшая под ударом муха или бог знает когда впившаяся в горло мелкая рыбная косточка, которая доставила тебе некоторые неприятности, одна из многих за жизнь, но только именно та, что запомнилась.

Особо яркие воспоминания могут быть связаны и с огромными для тебя событиями... С чем угодно! С непостижимым и очевидным, с радостным и горестным. Это могут быть воспоминания, даже в которых нет ничего. Совсем. Воспоминания о беспамятстве тоже бывают особенными. А можно помнить темноту. Воспоминание о темноте может быть нетерпимо ярким.

Суть этих воспоминаний в их невероятной отчётливости и в непроходящей живости. Такие воспоминания случа-

ются совсем в неподходящих ситуациях, они неуправляемы и не покидают повторяющиеся сновидения.

Однако главная особенность таких воспоминаний в том, что я ощущаю себя в них ровно таким, каким я о них вспоминаю. Именно в них, даже если это воспоминания из самого раннего детства, я вижу и осознаю себя тем, кто я есть сейчас, то есть не ребёнком, а неизменным собой.

Например, со мной живёт непроходящее воспоминание о том, как мама привела меня в детский сад. Было раннее, довольно тёмное, ничем не примечательное утро, прохладное, скорее холодное, но сухое, не дождливое. Осень тогда была или весна, не знаю. Точно не зима. Мы пришли с опозданием, детей уже одевали для прогулки. Мама спешила, но, только приведя меня в детский сад и прощаясь, она обнаружила, что забыла повязать мне шарф. Не задумываясь, мама развязала свой платок, оголив шею, и намотала его на мою. Завязывая его, она сказала: «Не потеряй», поцеловала меня и быстро ушла. Всё это я помню смутно. Потом была прогулка, которую я не помню вовсе. Не в этом суть воспоминания...

После прогулки я долго не мог развязать мамин платок. Я уже снял верхнюю одежду и шапку со вспотевшей головы, а с платком никак не мог справиться. Он был тонкий и скользкий, узел на нём затянулся. Я тянул концы узла в разные стороны и в какой-то момент уткнулся носом в мамин платок. Я сделал вдох сквозь тонкую ткань и вдруг ощутил дивный, непостижимо чудесный запах. Самый пре-

красный и непостижимый запах в моей жизни. Я до этого не раз нюхал мамины духи, она давала мне подержать флаконы. Запахи были яркие, радостные и, как говорят дети, «вкусные»... Но платок пах иначе.

Мне и теперь кажется, что я помню именно запах и смог бы его узнать немедленно из всех других. Мне так кажется, хоть я знаю, что самого запаха я не помню и помнить не могу, я помню другое... К тому же понятно, что то был запах смеси разных духов.

Вдохнув через мамин платок тот запах, я ощутил, что моё сердце наполнилось и вот-вот разорвётся от невыносимой любви, от тоски и страшной силы чувства покинутости. Мама мне в тот миг стала жизненно необходима, мне до смерти стало нужно её видеть, обнять, быть с нею...

Вот что я помню... Но помню я это не как покинутость и неразрывную связь ребёнка с мамой в её отсутствие, а как непостижимую любовь ко всему, что мне дорого сейчас... К родителям, семье, дому, Родине, жизни... В моём этом воспоминании я тот человек, который пишет эти строки, а не маленький мальчик.

Необъяснимая живая ясность таких воспоминаний пронзает время, делает прожитые годы и десятилетия не то что короткими или быстротечными, а попросту несуществующими. Эти воспоминания не что иное, как узелки, связывающие жизнь воедино и дающие непостижимое ощущение неразрывности с детством, юностью, с тем, что случилось недавно или буквально вчера. В них я — один и тот же чело-

век, с неизменной душой и чувством жизни... А ещё, именно из-за таких воспоминаний мы так часто видим и осознаём прожитую жизнь как необычайно короткую, а время стремительно летящим.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Самый лучший водитель

Думаю, мне было четыре года, возможно, пять, но никак не больше. Наверное, это случилось в конце июня, хотя точно не знаю. С уверенностью могу сказать, что было лето и всё происходило в Москве.

Как я оказался в столице, не помню совсем. Без всяких сомнений, меня туда привезли родители, но долгого путешествия в двое с половиной суток поездом моя память не сохранила. Не вижу я и маму, и отца не вижу там, в своей памяти, хотя ни с кем другим приехать в Москву я не мог. Не знаю, зачем и почему мы там оказались. Двигались ли мы через Москву куда-то дальше или возвращались с остановкой в Москве, это совершенно не важно. Как долго мы задержались в столице, я точно не помню, наверное, несколько дней. В моей памяти не осталось воспоминаний о таких важных обстоятельствах, как то: где и как мы спали, умывались,

ходили в туалет и ели. В Москве проживали родственники, несколько семей, среди них были сёстры бабушки, которые требовали, чтобы я называл их тётями. У кого-то из них мы и останавливались. Помню только длинный коридор, довольно тёмный с бордовыми стенами, и чёрного котёнка, который меня очень интересовал, но мне было сказано, что он дикий и царапучий, что он меня обязательно сильно поцарапает, а то и лишит глаза. Это меня насторожило, но интереса не убавило. Однако котёнок либо хорошо прятался, либо его спрятали от меня и от греха подальше, так что я помню только то, что там котёнок был, но самого его то ли помню, то ли нет. А может быть, вспоминается мне какой-то другой котёнок из другого времени и обстоятельств.

Из того пребывания в Москве я внятно помню только то, что побывал в Парке культуры и отдыха имени Горького. Это название врезалось в память сразу. Услышал и запомнил. Мне было сказано кем-то, что на следующий день меня поведут в Парк культуры и отдыха имени Горького. Сообщили мне это как радостную весть, от которой я должен был возликовать, и явно удивились тому, что я в Парк имени Горького идти не захотел... Мне стали объяснять, что этот парк — самое интересное и радостное место во

всей стране или во всём мире, дети мечтают в него попасть, но не всем выпадает такая возможность и что мне там обязательно понравится. Я же помню свои сомнения и мысли о том, что весёлое место не может быть связано с горечью. Моё воображение нарисовало мне некое большое помещение, в котором детей кормят чем-то невкусным, перчёным или, проще сказать, горьким.

В Парке Горького я тогда побывал с тётей, то есть с сестрой бабушки, но с которой из двух — не помню. Я, конечно, хотел быть где угодно с родителями, но у них нашлись другие дела.

Помню, что мне не нравилось, что тётя вела себя неестественно мило, говорила со мной, растягивая слова, и чрезмерно заботилась о каждом моём шаге. Я же старался вести себя как меня учили, а значит — ничего не просил, не показывал ни на что пальцем, не перебивал взрослых, то есть помалкивал и слушал тётю, не выдёргивал руку из тётиной руки и даже не пытался куда-нибудь отбежать и что-то рассмотреть.

Колоннада центрального входа в парк меня восхитила, весёлая музыка, шум голосов, нарядные взрослые, которым я был ниже пояса, нарядные дети на моём уровне, сосущие леденцы, жующие снесь или слад-

кую вату, лижущие мороженое, кричащие, смеющиеся, плачущие, убегающие от кого-то или упирающиеся и волочащиеся. Я такого в таком количестве прежде не видывал и не слыхивал. Конечно, я вертел головой по сторонам, но и посматривал под ноги, туда, где шагали мои белые сандалики, надетые на беленькие носки. Ещё я видел свои коленки, а значит, был в шортах.

Не помню каруселей, качелей или каких-то аттракционов, не помню, было ли мне куплено мороженое или что-то съестное. Запомнился водоём с лодками и запомнилось то, что я хотел оказаться в такой лодке, но тётя сказала, что она грести вёслами не умеет, а у меня сил не хватит с ними справиться. Ещё помню, что устал, а значит, мы там провели много времени. Сохранилась фотография того посещения Парка Горького. На этом фото тёмная лошадка, пони, везёт тележку, набитую детьми. Среди детей хорошо видно белое пятно — это моя голова в белой шапочке. Фото, очевидно, сделал фотограф, который работал в парке, больше никому. То, что белое пятно — это я, мне сказали, а я поверил. Лица разобрать невозможно. Поездки на пони в тележке я не помню совсем.

А потом была долгая очередь, в которой я приуныл и, видимо, позволил себе капризы, потому что

тётя в какой-то момент стала со мной строга. Очередь тянулась длинная, и мне сначала было непонятно, за чем она. А потом я увидел. Усталость моя тут же прошла и превратилась в радостное волнение.

Люди стояли в очереди, чтобы прокатиться на диковинных автомобилях по извилистой трассе, петляющей между деревьев. Автомобили были не такие, какие ездили по улицам, а чудесные. Я уже откуда-то и почему-то знал и понимал, что это старинные автомобили, похожие на кареты с большими колёсами. В этих колёсах блестели спицы, а сами автомобили были ярко раскрашены. Один зелёный, другой красный, третий голубой...

Главное, что меня взволновало, — это то, что за рулём всех этих автомобилей ехали дети. Девочки, мальчики. Старше меня или почти такие, как я. Взрослые оставались наблюдать и махать руками проезжавшим мимо или садились на задние сиденья вместе с теми детьми, которые не решались усесться за руль или им не досталась такая возможность.

Детей за рулём автомобиля я никогда не видел. В родном городе в парке можно было покататься по аллеям на маленьких игрушечных автомобилях. Их давали на время. Папа разговаривал с усатым челове-

ком, у которого было много таких автомобилей, и брал для меня один из них. Но я понимал, что они игрушечные, педальные, детские и ненастоящие, хотя прекрасные. Но тут автомобили были большие, в них могло уместиться несколько взрослых и детей, у них не было педалей, которые нужно было крутить, они ехали сами по себе. К тому же трасса, по которой они ехали, была не прямая, как аллея в парке, не широкая, а узкая и вся извилистая, с крутыми поворотами между деревьев. Я видел, что, если вовремя не повернуть, автомобиль непременно врежется в дерево, а это авария. Я не верил своим глазам, смотрел на происходящее заворожённо, и сердце моё замирало от одной мысли, что меня пустят за руль.

А ещё больше я волновался из-за того, что я боялся: вот дойдёт очередь до меня, а мне места за рулём не достанется. Или меня сочтут недостаточно большим, чтобы доверить мне управление настоящим автомобилем, и тогда мне придётся просто ехать сзади, как это всегда бывало.

У папы не было машины. Машина была только у одного из наших родственников, у дяди. Мне позволяли в этой машине несколько раз посидеть за рулём под строгим присмотром и, к моему восторгу, нажать

на клаксон. Разумеется, машина в это время стояла и даже не была заведена. Когда же она ехала, мне нельзя было рассчитывать даже на место рядом с водителем. Только сзади и только на коленях у кого-то из взрослых. Один раз меня прокатили по двору в кабине грузовика. У мальчика из дома, в котором мы жили, отец водил грузовик, который частенько стоял во дворе. Мальчик тот был по этой причине в большом авторитете. И вот один раз его отец прокатил меня по двору на своём огромном грузовике. Сына он усадил себе на колени и позволил держаться за руль, а я ехал рядом. Это было огромное событие моей детской жизни.

Короче говоря, за руль в Парке Горького я попал. Нам пришлось пропустить вперёд несколько детей, когда подошла наша очередь, чтобы быть самыми первыми в ожидании очередного автомобиля.

— А он не испугается? — спросил тётю дядька, который руководил рассадкой детей по автомобилям.

Не помню, что ему ответила тётя, потому что моё волнение и трепет дошли до предела. Зато я помню, что ожидал каких-то инструкций или напутствия в дорогу... Ну хотя бы какого-то серьёзного совета или запрета. К моему удивлению, ничего такого не последовало. Подошёл очередной автомобиль, и тётя подтолкнула

меня к нему. Он был ярко-жёлтого цвета. Это меня слегка огорчило. Совсем чуть-чуть. Я хотел красный. Ну или зелёный.

Впереди автомобиля находилась скамеечка, это и было водительское место. Я его занял. Какой-то мальчик возопил, желая занять его сам, он был больше меня, но я не уступил бы никому и ни за что. Кто ещё сел в мой автомобиль, я не видел и, была ли среди них тётя, не знаю. Меня это уже не интересовало.

Водительская скамейка оказалась высокой. Я взобрался на неё, но ноги мои повисли, не доставая до пола. Но главное — не доставая педали. Первым делом я всё быстро осмотрел и педаль обнаружил. Настоящая железная. Тогда я встал и ухватился за большой чёрный руль. В центре его вместо кнопки клаксона зияла дыра. Это меня удивило, но я сказал себе, что, видимо, так и надо. Я решил вести автомобиль стоя, так я мог давить на педаль и мне было лучше видно дорогу.

— Держись крепко, не упади, — услышал я голос главного там дядьки. — Приготовились!.. Поехали!..

Я глянул вниз, нашёл глазами педаль и свои ноги в белых сандалиях, быстро поставил правую на педаль и нажал... Автомобиль дёрнулся и поехал. Я сжал руль что было сил и буквально впился глазами в дорогу. Все

звуки, все люди, весь мир и даже небо перестали для меня существовать. Остались только руль и дорога.

А дорога была необычная, совсем особенная. Она была узкая, едва шире автомобиля, и состояла из поперечных коричневых досок, уложенных, как шпалы железной дороги, только вплотную и без рельсов. Эта особенная дорога немного возвышалась над землёй и травой. Я понимал, что одно неверное движение руля — и автомобиль съедет с дороги — и всё, обратно ему не заехать.

Сначала дорога шла прямо, но впереди я видел поворот вправо. Он быстро приближался, сердце колотилось, нога давила на педаль, руки сжимали руль... И вот уже поворот... Я повернул руль, он поддался легко, без всяких усилий, и мой автомобиль стал плавно поворачивать строго по дороге. Я понял, что вписался в поворот, хоть и не знал тогда этого термина. Я справился и возликовал...

Но за этим поворотом сразу последовал крутой поворот влево. Я повернул руль, и автомобиль мой послушался и повернул, избежав столкновения с берёзой. Я отчётливо помню ту берёзу.

Дальше шли поворот за поворотом, потом прямой участок и снова повороты. Но я уже вошёл во вкуч.

Я чувствовал свой автомобиль, а он слушался меня и руля идеально. Пару раз мне показалось, что я запаздываю, но в последний момент мне удавалось удерживать автомобиль на дороге и вырулить.

Я не мог понять, сколько всё это длилось. Мне показалось — очень коротко. Во всяком случае, недостаточно. Мы слишком быстро промчались по трассе от начала до конца. Мне не хватило счастья и радости. Но, когда поездка закончилась чьей-то командой «Стоп» и я убрал ногу с педали, а потом руки с руля, я почувствовал, что и нога, и руки устали от напряжения... И глаза устали от напряжения, и что я молодец. Я впервые управлял автомобилем сразу на такой трудной трассе, и у меня всё получилось великолепно...

Я гордо смотрел на всех. И на тех, кто ждал в очереди, и особенно на тех, кого я прокатил, и на дядьку, который во мне сомневался и сказал, чтобы я крепче держался. Тётя меня искренне похвалила, хотя, помню, что её восхищение не было достаточно бурным... Я сильно жалел только о том, что моего мастерства не видели родители. Они бы радовались сильнее, и им полезно было бы узнать, на что способен их сын.

Я тогда пренебрёг воспитанием и в первый раз за всё пребывание в парке очень попросил тётю ещё

об одной поездке, но она сказала, что придётся снова стоять в очереди, которая стала длиннее. Я был готов, но тётя произнесла хрестоматийную фразу взрослых людей: «В следующий раз».

На этом мои воспоминания о том посещении Парка культуры и отдыха имени Горького обрываются.

Мои впечатления от управления автомобилем в московском парке были столь сильны, что я прожил с ними весь последовавший за ними год. Я пытался их передать и изложить родителям, но слишком сильно волновался, сбивался, не находил нужных слов и сокрушённо понимал, что ничего толком рассказать не умею. С друзьями-товарищами по детскому саду получалось лучше. Они меня понимали, им достаточно было вместо слов жестов и звуков, а более всего — моего убедительного восторга. Я ощущал себя обладателем особого опыта и умения. Никто в моём тогдашнем окружении в Москве не бывал и автомобиль не водил.

Пережитое не утихало во мне. Я постоянно вспоминал руль, узкую дорогу, повороты и своё виртуозное вождение. Мне оно снилось. И я мечтал повторить это приключение. Осень, зиму и весну я жил ожиданием лета и поездки в Москву. Никакие перспективы летнего

Оглавление

<i>Глава первая.</i> Самый лучший водитель.....	11
<i>Глава вторая.</i> Модные брюки и другие прихоти.....	29
<i>Глава третья.</i> Космос.....	87
<i>Глава четвёртая.</i> Спящая рыба.....	126
<i>Глава пятая.</i> Убийца.....	158
<i>Глава шестая.</i> Все, все, все.....	208
<i>Глава седьмая.</i> Крошки.....	234
<i>Глава восьмая.</i> Свет.....	265